A black and white illustration of a young child with short dark hair, wearing a light-colored t-shirt and patterned pants, standing on a grassy hill. The child is reaching up with their right hand towards a large, stylized cloud. The sky is filled with other clouds, a crescent moon, and several small stars. The overall style is simple and whimsical.

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Светлана Лабузнова

Билет до Луны

Светлана Ивановна Лабузнава

Билет до Луны

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25100563

Лабузнава С. И. Билет до Луны : повесть: Детская литература;

Москва; 2014

ISBN 978-5-08-005367-2

Аннотация

Это повесть о жизни воспитанников детского дома. Попавшие туда в силу различных обстоятельств ребята, несмотря на все трудности, выпавшие на их долю, не теряют человеческого достоинства, умения сопереживать друг другу и взрослым, которые окружают их. Единственное, что они не прощают ни сверстникам, ни педагогам, – равнодушие.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	6
Билет до Луны	8
Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера	10
«Детство в людях»	12
Аким	20
Катя. Просто Катя	32
Американцы	35
Приехали...	40
Лешка Барин	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Лабузнова

Билет до Луны

© Лабузнова С.И., 2014

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Клименко Н. А., иллюстрации, 2014

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

ПРОГРАММА

*Выпуск осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации и
рекламы города Москвы*

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, произведений поэтических жанров. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой

совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

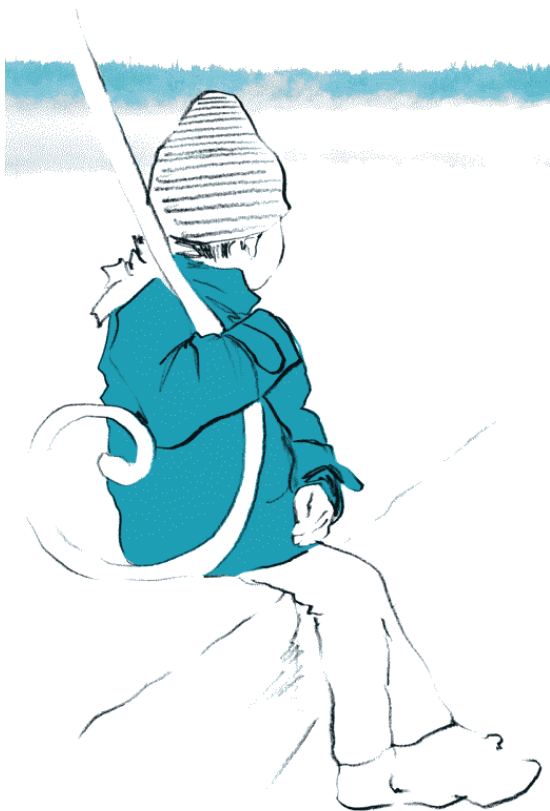

Билет до Луны

Повесть

**Улыбнитесь! Вас
снимает скрытая камера**

Воспоминания о прожитом похожи на просмотр записи, снятой скрытой камерой. Иногда видишь то, что раньше оставалось как-то незамеченным.

Я смотрел на бумажный лист, забыв о времени и о давно превратившихся в клейстер пельменях на плите. Может, не стоит писать: «Жизнь до – жизнь после»?

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

Б. Пастернак. Ложная тревога

«Детство в людях»

Своего детства я почти не помню. В моих воспоминаниях оно похоже на одинаковые, как капли воды, дни, из которых как-то сразу не собрать ни одной полной картинки длиной больше пяти минут. Только один день врезался в память настолько, что я до сих пор помню его в мельчайших деталях.

Новый год. Мне скоро исполнится шесть лет. Это последний год в моем первом детском доме. Я давно догадался, что к нам Дед Мороз сам лично не приходит. Занят, наверное. Он передает свой посох и красную шубу с валенками Игорю Николаевичу, который легко узнаваем по своим огромным командирским часам.

Взявшись за руки, мы с давно разученной песней вполне себе бодро бредем вокруг елки. Неожиданно кривой елоч-

ный круг рвется, над ним хлопнушкой взрывается слово:

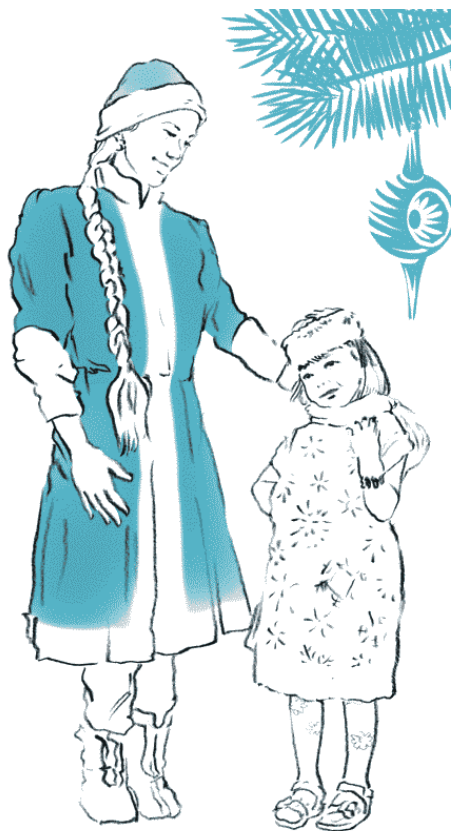
– Мама!

Мы перестаем водить хоровод и с любопытством смотрим, как недавно переведенная из детского приемника девочка бежит к Снегурочке. Маленькая девочка в марлевой юбке, немного пожелтевшей от времени. Юбочка, служащая уже бог весть какому поколению снежинок, похожа на бутон увядающего цветка. «Снежинка тающей зимы». Не помню, где я слышал это название, но, наверное, оно лучше всего подходит к этому костюму. На короткой юбочке кое-где блестят маленькие кусочки бело-желтой мишуры.

Здесь все кажется ненастоящим: и Дед Мороз, и елка с редкими ветвями. Игрушки на ветках висят высоко, так, чтобы наши руки не могли потрогать блестящие шары. Нижние, самые длинные ветки ели густо увешаны бумажными гирляндами, флажками и фонариками. Бумажное мастерство детских рук. Больше всего в зале желтых фонариков. Снегурочка – такая же фальшь, как и сам новогодний праздник, впрочем, сначала это совсем незаметно: она в наших глазах почти настоящая, не то что Дед Николаевич Мороз.

Снегурочка растерянно склонилась над новенькой. И тут Леночка почему-то изо всех сил вцепилась в толстую, светлую, как у нее самой, косу Снегурки. А потом произошло невероятное, не виданное никогда раньше никем из тридцати ребятишек, находившихся в зале. Косы внучки Деда Мороза вместе с шапкой съехали набок, а потом и вовсе свали-

лись с головы. На голове Снегурочки оказались запасные волосы, короткие, цвета яичного желтка. Желтый цвет – цвет расставания. Я понял это в том детдоме. В моей жизни желтого цвета всегда было слишком много.

Весной двор покрывается одуванчиковым ковром, оставляющим желтую пыльцу на наших пальцах и носах. Если смотреть на двор сверху, из окна, то заметно, что ковер похож на лоскутный. Такой, какой любит делать тетя Лиля – главная по детдомовскому имуществу. На желто-зеленом мелькают пятнышками наши куртки. Пропадает ковер – уходит весна. Осенью клены отдают свою желтую дань потускневшей траве. Они разлучают траву с летом. Зима тоже желтеет: короткие дни сменяются желтыми вечерами. Фонари светят желто-огненными глазами, словно древние ящеры, заглядывающие в пещеры.

Наш дом стоит у самого подножия большого холма, на вершину которого вскарабкались высотные дома. Этим холмом со стоящим на нем новым микрорайоном заканчивался наш тихий провинциальный город. Воспитатели часто сетовали, что добираться на работу неудобно, – транспорт, мол, не ходит в такую глушь, а ежедневно спускаться и подниматься на огромный холм очень муторно. Я спросил, что означает слово «муторно», но мне посоветовали пойти поиграть и не лезть во взрослые разговоры.

Если бы нам позволили посмотреть, как приходит вечер, то мы увидели бы, как фонари-ящеры караулят дорогу и как высматривают они идущих по дороге людей. На некоторых фонарных столбах не хватает лампочек, они так и стоят с потухшими глазами в полосках желтого света других фонарей.

Мы рано ложимся спать, поэтому никому из нас не удается загадать заветное желание падающей звезде цвета разлуки. Ночью луна опускает на землю свои желтые дороги, на которые смотрят звезды, но мы, дети-сироты, об этом ничего не знаем.

– Ты не моя мама! Где моя мама?! – Ленка с рыданиями теребит красивый, расшитый блестящими нитями рукав Снегурочки.

Дед Мороз (Игорь Николаевич) спешит раздать шуршащие кулечки с конфетами и чудесным образом исчезает с такой легкостью, что ему мог бы позавидовать настоящий Дед Мороз.

Иногда воспитатели между собой называли Леночку горькой сиротой и ангелом. Она сразу попала в категорию любимых, «хорошеньких», как говорили воспитатели, детей. У ангела были волосы, напоминавшие цветом четверговую кашу с маслом. Чтобы в пшеничную кашу повара клали сливочного масла сколько полагается, а не сколько им хотелось бы, наша старшая медсестра Нина Павловна лично снимала пробу. Пять рабочих дней в доме слышалась приятная негромкая речь. Воспитатели общались на полутонах, периодически бросая взгляды на дверь, – Нина Павловна обладала нервирующей способностью ходить бесшумно. Нинель (так звали за спиной сотрудники нашу старшую медсестру) крик на детдомовского ребенка могла превратить в запись в трудовой. Работу здесь ценили за надбавки, положенные за за-

крытость учреждения. Теперь я понимаю, что, несмотря на относительно скромные официальные полномочия, фактически Нина Павловна была матерью-королевой в закрытом от внешнего мира королевстве несовершеннолетних подданных.

На прогулках мы любили смотреть сквозь металлические прутья забора. Редкие прохожие были большой удачей для зрителей. Здание детдома стояло в стороне от дороги, на подходе к лесу, так что по узенькой тропинке люди шли в основном в лес. Мы всматривались в их лица. Все они шли мимо, иногда одаривая нас улыбками, но чаще как будто не замечая. Иные даже ускоряли шаг, как если бы им было неприятно или отчего-то стыдно.

Еще мы очень любили наблюдать за кошками. Эти-то не стыдились ничего. Для кошек запретов не было. Они свободно проходили сквозь забор. Кошки и собаки, вороны, воробьи – кроме этих животных, мы не знали никого. Зоопарка в нашем городе не было, а если бы и был, вряд ли бы нас туда повезли. Рыжие тигры, задумчивые слоны и грустные зебры прятались в красивых книжках, стоявших на полках в игровой комнате. Зато у меня была своя, персональная, кошка. Я гордился тем, что рыжая с травяными глазами кошка выделяла меня среди множества маленьких, почти всегда одинаково одетых человечков. На мое «кис-кис» она бежала охотнее, чем на Борькино зазывание, и брючины моих штанов собирали больше шерсти, чем Борькины. А может, мне про-

сто так казалось.

Рыжая терлась полосатой боциной о мои ноги, хитро щурила глаза, похожие на крохотные лимончики, от этого лимончики сплющивались и превращались в щелочки. Она мурлыкала кошачий туш.

Настоящие лимоны были на картинках с фруктами, их показывали нам на занятиях. Воспитатель, подняв картинку повыше, всегда спрашивала: «Что это?» Мы верили, что где-то помимо книг существуют клубника, земляника и малина. Иначе зачем это рисовать на картинках? Воспитатели говорили, что в лесу поспела земляника и если поторопиться, то можно немного набрать на варенье. Говорили они это про-меж собой. А нам оставалось только воображать, какое оно на вкус, это варенье.

Я знал, что рыжая кошка поет только для меня. Это очень приятно – осознавать, что у тебя есть что-то свое. Хотя бы кошка и ее песня. Воспитатели эту кошку, как и всех других, прогоняли, но она приходила снова. А потом она почему-то перестала приходить, напрасно я вглядывался в узкие полоски забора – пушистой нигде не было видно. В тот же шестой год моего детдомовского детства нашлась Леночкина мама.

Моя мать не находилась. Я вообще никогда не задумывался, почему кто-то из незнакомых взрослых приходит, общается с нами, а потом кого-нибудь забирают. Куда и зачем? Почти как пророчество выползает из памяти фраза, брошенная Антониной Петровной, моей первой воспитательницей,

снова звучит ее низкий грудной голос: «А этого черного гра-
чонка никто никогда не заберет. Дитя курортного романа».
Это все, что я знал о родителях до семнадцати лет.

АКИМ

Сережка, по прозвищу Аким, вразвалочку шел с ведром в сторону окон нашего холла. Шел, неспешно отмеряя шагами длинный прямоугольник дорожки, покрытой серым потрескавшимся асфальтом, словно морщинистой сеткой. Сережка не обращал внимания на такие ерундовые мелочи, как трещины на асфальте, через которые куда-то ползут дождевые черви. Путь Акима лежал обратно в дом, куда он намеревался войти так же, как и вышел, – через окно.

– А ну стой! Ты почему в семь утра на улице? – Лариса Ивановна сделала вид, что не знает, куда Серега иногда мотается по ночам.

Аким успел заметить недокуренную сигарету в кулаке за спиной у Жужелки. Она была зажата в руке на уровне пояса-

ницы, там, где начиналась серая узкая юбка. Аким отметил про себя, что сегодня сигарета короткая, мужская. Значит, у Лариски что-то случилось. Обычно она носила в кармане пачку длинных женских легких сигарет и выкуривала их тогда, когда в ее личной жизни были тишь да гладь. Крепкие сигареты были признаком какого-то потрясения. А потрясти ее могли только сбои в личной жизни. Все остальное у нее устраивалось легко и понятно. Прозвище Жужелка прилипло к Лариске с первых дней работы. «Не жужжать» – это было и ее жизненное кредо, и одновременно приказ тем, кто с ней в чем-то несогласен. Вообще-то тетка она была неплохая. Крикливости бы ей поменьше, а так ничего – мини-юбка в любое время года да бодрость духа.

– Вышел свежим воздухом подышать. Здрате вам!

Сереге, как и все детдомовцы, отличался наблюдательностью. И сейчас наблюдательность подсказывала ему, что надо побыстрее сваливать в группу. Скользя по воспитательнице глазами, частенько косящими невесть куда, он заметил, что Жужелка кривовато сделала контурную линию на губах. С ней такое случалось редко. Кривой контур также был сигналом того, что у нее что-то пошло не так, а значит, ее настроение сейчас с жирным знаком минус. В облике Ларисы Ивановны была обычная строгость: даже серо-пепельные волосы всегда лежали так, словно побаивались нарушить раз и навсегда заданную прическу. А может, и взаправду боялись? Возьмет ножницы и отрежет непослушную прядь.

– И тебе утро доброе. А почему с ведром? – поинтересовалась Лариса Ивановна, сканируя Акима своим цепким взором.

Под этим строгим взглядом бывшего сотрудника детской комнаты милиции не раз временно раскаивались мальчишки на полпути к мелким хищениям дачного провианта, откладывая набег до лучших времен.

В непосредственной близости к детскому дому со всех сторон располагались панельные многоэтажки скучного серого цвета. Переехав в городское жилье из пошедших под снос бульдозерами деревенских домов, обитатели окраин не утратили привычки к сельскохозяйственному труду. Банки с дачными соленьями-вареньями ждали зимы в огороженных клетках. Такие ограждения жильцы приваривали к мусоропроводу, которым никто не пользовался. Поначалу наши ребята наведывались на дегустации, легко вскрывая простенькие навесные замочки на импровизированных складах. Жильцам уничтожение их дачных трудов было не по нраву, и они приходили разбираться к директрисе. Дегустаторы клялись, что налетов на запасы больше не будет. Со временем ящички канули в Лету, пропали куда-то. Может, потому, что не только наши ребята ими интересовались.

Сереге, однако, под взглядом Ларисы Ивановны не растерялся. Он нарушил устав бытия лишь в одном пункте – отсутствовал некоторое время в детском доме.

– Я цветы поливал. – Акимов кивнул на ближайшую клум-

бу, отвечая на вопрос об уместности ведра на утренней пробежке.

Ночью прошел дождь, но Аким не задумывался о таких причинно-следственных связях, как клумба – дождь – ведро. За каждой группой закрепили по клумбе. На нашей иногда цветочно-садовое усердие проявляли воспитатели. Девчоночьи же оставались цветущими до глубокой осени. Цветы на них, как и сами девчонки, отличались непохожестью и пестротой. Наша клумба была наполовину затоптана. В дальнем углу некогда квадратного цветника выживали только желто-оранжевые ноготки. И кто придумал сделать клумбу по соседству с футбольным полем?! «Поле» – это понятие условное. Небольшой участок в углу территории с дугой ворот, с остатками сетки, напоминавшими кусочки порванной паутины. Трава там никогда не росла. Даже если какие-то настойчивые травинки и пытались посмотреть, как выглядит солнце, наши ноги в стоптанной обуви вгоняли их обратно к корням.

– Марш в группу! И через дверь иди, поливальщик.

Лариска заново закуривает спрятанную от острых Акимовых глаз сигарету. «Подстричь бы его надо. Челка в глаза уже лезет или он намеренно отпускает ее? А что, волосы скрывают взгляд... И не поймешь, что он там себе думает. А что думает? Скрытный человек. Прямо «вещь в себе». Сейчас ходит машины мыть. К кровати его не привяжешь и в изолятор жить не отправишь. Мы хоть и закрытое учреждение,

но дети вон ходят спокойно по району днем. А этот еще и ночью. Хорошо, что один такой. Дойдет наверх – настучат по голове. Им лишь бы мораль читать. Как за границу на экскурсию детей сопровождать, так они сами, а как воспитывать их, так „плохо работаете“. Детей им в командировку отбери поспокойней, чтобы проблем не было. Ну съездили ребята – и что? А их вон подстричь некому. Шампунь водой приходится разбавлять, и неясно – то ли просто мутная вода, то ли мыльная. Пэтэушники-парикмахеры придут практиковаться только осенью. Ладно, сама ему челку отрежу. И так косит своими зелеными глазами». Закончив внутренний монолог, Лариса Ивановна бросила докуренную до фильтра сигарету в урну и пошла к входной двери.

Ночная смена сдавала пост: «Все нормально. Акимов опять отсутствовал. Как ни карауль его – уходит, шельмец! И окна наглухо не забьешь – не положено».

Сережка Акимов пошел в нашу третью группу, гремя серым оцинкованным ведром с красной надписью на боку: «З-я гр. КОР». Из этого ведра положено было мыть коридор группы. Уборка в детдоме возводилась в культ. То ли воспитатели искренне полагали, что эта трудотерапия с тряпками и швабрами, похожими на перевернутые буквы «Т» (что, видимо, символично), спасет нас от проблем, то ли так уж боялись проверок на чистоту, но, скорее всего, это был просто способ занять наше время и заодно частично высвободить свое. Нянечки у нас долго не задерживались, и полы мы мы-

ли сами.

– Барышкин, мой чище! Смотри, мусор везде валяется. Если оштрафует санэпидемстанция, плохо будет и нам, и вам. И вечером обувь поставьте проветривать на подоконник. Это ж прямо газовая камера, а не комната!

– А мне по фигу, – меланхолично отзывается Сашка Барышкин, продолжая лениво возить шваброй по полу, оставляя за собой мокрые полосы, гоняя туда-сюда кусочки серой, давно засохшей и потому неразмокающей грязи, занесенной на чьих-то ботинках.

Обычные утренние и вечерние диалоги. Но грозные сэсовцы не приезжали ни во время эпидемии гриппа, ни в случае с торжеством чесотки. В то бабье лето уже никто не пытался выяснить, откуда и кто притащил эту казнь египетскую на наши муки. От несносного запаха серной мази спасались прогулками во дворе и постоянным проветриванием. Пахли все: и персонал, и дети.

Учителя смотрели на нас с подозрением, морща нос от нашего амбре. Но мы глушили аромат мази дезодорантами. Дезодоранты купил завхоз, и еще кое-что принесли воспитатели. В школе интересовались, отчего это так мы благоухаем. Но так как к нам все были уже привыкшие, то со временем перестали задавать вопросы. Приставать с расспросами о пропавших тетрадках, вечно забытых ручках, отсутствующей сменной обуви учителя давно прекратили, поняв, что нет смысла выяснять, где все эти вещи. Мы частенько валили

все на плохое финансирование. И в этом проявлялось редкое единодушие воспитанников и воспитателей. Отличники среди наших встречались редко. Учителям было достаточно того, что мы вообще приходим на уроки и перебираемся из класса в класс. В детском доме в младших группах еще пытались делать с нами уроки, заставляли учить таблицу умножения, но в старших этот процесс выполнения домашних заданий был совсем прозрачным.

Как-то прислали к нам в группу психолога. Воспитательница заболела, и, чтобы не ставить человека в третью смену, пришла психолог. После той пробной смены она не ходила работать в группы. Все-таки заниматься с нами один на один в кабинете лучше.

Сергея нырнул в постель с головой, намереваясь поспать часок до подъема. Из-под одеяла с вышитым личным номером воспитанника торчали Серегины ноги в продырявившихся носках мышиного цвета. Он так торопился лечь спать, что забыл их снять.

Сергей не был моим другом, и я не знал, как он отреагирует на мою просьбу. Белый пододеяльник спрятал его целиком, оставив на поверхности серый ромбик одеяла. И этот ромбик был как знак: «Не беспокоить!» Но надо было с чего-то начинать разговор. Я сто раз мысленно репетировал важный для меня диалог и сто раз не знал, чем он закончится. Пока все «уши» спят, надо было поговорить, перетереть

о важном для меня деле. И я спросил:

– Засекли?

– Ага, – зевнув, ответил Серега, давая понять, что разговор, не успев начаться, уже окончен.

Тогда я просто брякнул напрямую о своих целях:

– Серег, а возьми меня с собой. А?

– Чего? Куда?

– Я тоже хочу машины мыть. Мне деньги очень нужны.

– Деньги? Зачем тебе деньги? Ты ж на всем готовом живешь: о тебе государство заботится. – Тут у Сереги здорово получилось спародировать нашего завхоза Матрешку.

Галину Алексеевну так прозвали не столько за ее фигуру дородной кустодиевской красавицы, сколько за яркий румянец на щеках. Наверное, дома у нее хранились стратегические запасы бордовых румян. Под стать фигуре был и голос этой дамы – густой, как детдомовский кисель по выходным, сваренный по какому-то хитрому рецепту из овса и чего-то еще, совершенно неопознаваемого, придававшего напитку поразительно противный вкус (всегда одинаковый) и непередаваемый цвет (всегда разный).

– Очень надо. Ну пожалуйста!

– Рискованно. А что взамен?

– А что хочешь?

– Ладно. Разберемся.

– Без базара, брат!

– Спи. «Брат»! Тоже мне родственничек выискался!.. –

Серезка захрапел, спрятавшись от заглядывающего в комнату солнца под белое поле с серым ромбиком.

Прозвище Аким у Сереги появилось не сразу. Сначала его прозвали АКМ – в честь автомата Калашникова: в первые дни в детдоме он был какой-то суетливо-быстрый, как автоматная очередь, но очень скоро для удобства перекрестили в Акима. Немного погодя Серега освоился и стал спокоен и нетороплив, а прозвище осталось. С ребятами Аким практически не общался. В детдоме он появился меньше года назад. О себе почти ничего не рассказывал. Его роль в нашем детдомовском обществе была ролью одиночки.

А я, кем был я? Я был, наверное, наблюдателем. Эту роль я придумал себе сам. Всех остальных я тоже распределил по ролям. Везунчики, любимчики, подхалимы, крутые, мерзавцы, порядочные... Была пара ребят, которые больше всего подходили под категорию порядочные мерзавцы. Наблюдателем я считал себя сам, ребята же называли меня по-другому.

Придуманные нами прозвища были почти у всех. Они заменяли привычные имена. Нейтральные возникали путем отсечения лишнего от фамилии. Они ровным счетом ничего не означали. Мое погоняло было из другой категории прозвищ. Оно – мой характер и портретное сходство.

Из всех прозвищ ко мне прилипло только одно – Челентано, или Чили, для краткости. Мое имя – Юра. Юра Сухих. Когда-то очередная новая нянечка сказала: «Юра... Как Га-

гарин. Тот тоже Юра». Быть Гагариным мне понравилось, но первый космонавт такой русский, такой славянский, а моя черная, плохо расчесывающаяся шапка волос, дополняемая темно-кариими глазами и носом, который принято называть орлиным, на сходство с Гагариным никак не тянули. Челентано окрестила меня наша воспитательница.

– Ишь ты, вылитый Че-лен-тано! – произнесла она нараспев.

Лет до десяти я не знал, что ношу имя итальянского актера, думал, что отзываюсь на что-то оскорбительно-пренебрежительное или даже ругательное. Если честно, мне было почти все равно, как ко мне обращались. Я жил по принципу горшка, которому и печь не страшна. В этот детский дом меня перевели в шесть лет из другого, того самого, где Ленка обозналась. Сам детский дом располагался в перестроенном здании детского сада. Внутри наше жилище было чем-то похоже на подводную лодку – то ли тем, что было много отсеков-комнат, то ли низкими потолками над той частью коридора, что вела к столовой.

Этот коридор на первом этаже так и прозвали – «подлодка». Низкие потолки там гнетуще давили своей близостью к тому, кто шел под ними, заставляя порой инстинктивно пригибаться в тех местах, где поперек были проложены балки. Стального цвета пластины скрывали коммуникации и служили норами любопытным хвостатым обитателям – крысам. Металл неприятно отсвечивал ржаво-тусклым блеском. Ку-

ча закрытых входов-выходов наводила тоску. В одной из четырех групп рядом с «подлодкой» и прошло мое отрочество.

Лодкой здание было только внутри. Снаружи – просто детский сад, но без привычных ярких горок, качелей, грибов-песочниц. Громоздкие некрасивые решетки охраняли окна кабинета директора и изолятора. В первом случае они несли службу стального стража ценностей от посторонних глаз и опытных рук. Во втором – оберегали заболевших и помещенных на карантин от желания пойти поболеть где-нибудь на свободе. Таковых обычно не находилось. Да и за провинности в изолятор редко кого поселяли. Как-то водворили туда Оксану, девицу тринадцати лет, влюбившуюся, как на грех, в какого-то взрослого дяденьку. Дяденьке пригрозили милицией, а Оксану отправили в изолятор, чтобы она остыла там от любви. Утром в изоляторе Оксанки не оказалось. Ей каким-то чудом удалось протиснуть свою весьма пышную фигуру между прутьями. Разыскивать долго не пришлось. Возлюбленный привез Оксану лично, заверив, что «невиноватый он – она сама пришла». Оксанка плакала. Наверное, от предательства.

От внешнего мира нас отделял решетчатый забор, в котором отсутствовали некоторые секции. Кто и зачем их снял, неизвестно. Ворота закрывались «на ночь» каждый вечер с завидной регулярностью, но такое действие было, естественно, просто символичным. Все бегунки (так называли тех, кто регулярно самостоятельно уходил на свободу) по какой-то

традиции бежали ночью, и замок на воротах в силу естественных причин никого остановить не мог. Впрочем, даже если бы все секции забора были на месте, он все равно бы не помог. Закрытые ворота совсем не мешали дворовым ребятам приходить и петь под гитару у нас под окнами. Иногда им вместо цветов от восхищенных поклонниц на голову падали пакеты с водой. И тогда песнопения прекращались.

Тишину ночи порой нарушали шаги мальчишек, пробирающихся к девчонкам. У ночного воспитателя был выбор: находиться либо в старшей мальчишеской, либо в старшей девчоночьей группе. Караулил, одним словом. Но влюбленных у нас было принято защищать от надзора воспитателей, и для них всегда находились заповедные для «посторонних», укромные уголки.

Сначала в нашем детском доме хотели собрать элиту сиротского люда – детей одаренных, способных. Я начал рисовать раньше, чем говорить, если верить все той же Нине Павловне, самоотверженно защищавшей оставшихся без родителей детей. Но то ли не успели выявить всех одаренных, то ли просто некуда было распределять, и детский дом «с уклоном в искусство» открыли просто как обычный детский дом. Конечно, способных было много среди нас. Это неправда, что в детских домах живут в основном отсталые и малоразвитые. Тут, пожалуй, стоит написать о Катрин.

Катя. Просто Катя

Катю привезли в детский дом вместе с младшим братом. Таких ребят, как она, называли «социальные сироты»: мать вроде бы и есть, а вроде бы и нет. О своей семье Катя вслух не вспоминала ни разу. «Лишенцев» (так между собой органы опеки именуют детей, чьи родители лишены родительских прав) в детдоме больше, чем отказников, таких, как я. Она не говорила ни слова о доме, о той прежней жизни. Катерина, как закрытая шкатулка, все секреты хранила внутри. Воспиталки Катю любили, она была «спортсменка, комсомолка и просто хороший человек». Больше всего на свете Катька любила брата. Разговаривала она с ним тоном скорее не старшей сестры, а матери, строгой, внимательной и любящей. Выловив брательника из кустов, подпирающих фа-

сад дома, Катька вела его в группу, не обращая внимания на слабые протесты. Витька упирался, но больше для виду. Ему нравилось, что сестра его опекает, нравилось, что именно она делает с ним уроки.

Пока другие томятся в классной и делают домашнюю работу с воспитателями, он смотрит, как ребята из старших групп играют в футбол, и бегает за вылетающим за забор мячом. Единственный мальчишка с такой привилегией в младшей группе. Высокая, стройная, с отточенными движениями, Катрин успевала переделать кучу дел: кружки, секция карате, обязанности старосты группы. Она была признанным авторитетом среди ровесниц и вызывала уважение как равный среди взрослых. У самой Катрин был пунктик – учиться на «отлично». Кареглазую девчонку с каре, всегда что-то читающую, можно было часто увидеть после отбоя в классной комнате, откуда ее отправляли спать ночные воспитатели.

Угрозидо как-то Катю нахватать троек. Тяжело ей давался английский. А тут еще школьная англичанка заявила, что не будет дополнительно с ней заниматься. Дескать, изучала немецкий, а тут ни с того ни с сего перевелась в другой класс, с английским уклоном. «Ни с того ни с сего» было подано воспитателями. Может, в их головах мелькнуло видение будущего, ведь через полтора года Катрин уехала в Штаты. На ПМЖ¹. Воспитатели в Катиной группе подобрались сплошь «немцы». Так бы и плавать ей в тройках, если бы не новый социолог – переводчик по специальности.

¹ ПМЖ – постоянное место жительства.

Американцы

Американцы нагрянули к нам в середине весны. Наш город в это время радовал жителей многочисленными лужами в дырках асфальта, кучей мусора, выползшего из-под грязно-серой кромки сугробов, невзрачными перезимовавшими домами и букетами подснежников на рынках в руках у старушек. В нашем весеннем городе группа веселых американцев смотрелась совершенно чуждо – как орхидея на помойке. Но нельзя сказать, что их приезд потряс основы нашего бытия. Мы к гостям были почти привыкшие – иностранцами, как таковыми, нас не удивишь. До приезда этих американцев нас навещали немцы.

Немецкие господа, как оказалось, народ любопытный. Ходили, рассматривали всё с немецкой дотошностью. В нашей группе, в углу на лестничном пролете, стояла коряга – большая такая, покрытая лаком. Стояла она не просто так, а прикрывала своими сучковатыми лапками щербатый угол. Об нее вечно все спотыкались, особенно вечерами, когда вы-

ключали свет. Вспоминали при этом и чертову бабушку, и мать вашу – видимо, мать ВД (Веры Дмитриевны). Пару раз пробовали ее выкинуть, но она снова появлялась на прежнем месте.

– Какого лешего?.. Кто ее обратно принес?!

Судя по голосу, на корягу напоролась Лена, наша воспитательница. Они вчера вдвоем с ночной нянечкой тайно от ВД приговорили деревяшку к изгнанию в мусорный контейнер. Да только хранительница коряги принесла свою любимицу обратно, узрев выпирающее из мусорного бака лесное чудище. ВД прозвали у нас Водянкой. Вряд ли придумавший прозвище знал, что водянка – это весьма и весьма нехорошая штука. Вера Дмитриевна была роста маленького, суховатая, как та коряга. Но погоняло приклеилось к ней намертво.

Так вот, что немцы... Бюргеры остановились на лестнице, лопоча что-то по-своему. Переводчиком была наша новенькая социолог. Пока немцы лопотали на родном языке промеж собой, она демократично помалкивала. Гостям, по русскому обычаю, не только соль, но и хлеб поднесли. Точнее, пирог яблочный. Гости надарили нам шариковых авто-ручек. Алаверды, так сказать, за знакомство и обмен бесценным опытом. И всё удивлялись: «Вы, русские, такие бедные, а любите угощать. У нас гостей встречают скромно». Вот и пойми их: то ли рады гостеприимству, то ли осуждают.

– Лен Ванна, а что там немчура все гуторила на своем?

– Язык лучше учите. Любопытные. Знали бы – перевели.

– Ну скажите! О чем они там в углу, перед корягой, трещали? Небось партизан напомнила наша громадина?

Под дружный гогот над Димкиной шуткой Елена Ивановна, махнув рукой, объяснила, что гости отметили, что у нас «все дырки чем-то прикрыты: либо салфетками, либо вот такими деревьями». И правда, ремонта у нас не было давно. Вот дыру в нише и закрыли вязаной салфеткой, придавив ее расписным глиняным горшком с геранью. То ли немцы так герань любят, то ли салфетки, то ли роспись неизвестного кустаря, аляповато раскрасившего горшок, привлекла их взоры, но огрехи ремонта, а вернее, его отсутствие они заметили. Ведь зачем-то подняли горшок с цветком и заглянули под салфетку, прятавшую под собой большую выщербину. Оказывается, русская поговорка «Любопытство не порок, а большое свинство» относится не только к русским.

Американцы не такие дотошные. И более общительные. Прошел слух, что они приехали выбирать детей. Накануне мы сделали генеральную уборку. Воспитатели велели нам одеться попараднее. Американцы притащили с собой камеру, блеснувшую круглым черным глазом объектива. Факт этот сразу же собрал вокруг них плотный кружок любопытных. В их фильм попал и наш лимон – единственное живое дерево в доме. Лимон на своих тонких длинных ветках держал белые цветы. Листьев было мало. Цветы появились на дереве, когда наша Друид, увлеченная новым оздоровительным течением, начала поливать деревце какими-то смесями.

Наверное, это совпадение, но сей факт цветения добавил веры сотрудников в волшебные Верины средства, так что клиентов у нее прибавилось.

Пожалуй, следует пояснить, почему Веру Дмитриевну «крестили» трижды. Сначала появилось простенькое ВД (произносилось как аббревиатура), потом в силу «приятностей» характера погоняло переменяли на Водянку, сохранив при этом начальные буквы имени и отчества. А Друидом ее прозвали сами воспитатели. За любовь ко всяким народным средствам, комнатным цветам и... корягам.

Со временем выросли и лимоны. Целых четыре. Темно-зеленые плоды были тут чужаками. Ни в какой фильм они не попали, потому что их съели тайком до того, как американцы приехали еще раз. Лимоны были жутко кислыми, но дегустаторы ели не морщась.

Хотел ли я в Штаты? Наверное, хотел. Улететь туда мечтали многие. Жизнь там казалась другой – красивой, счастливой, какой-то киношной и абсолютно семейной. Катя с братом попала в список счастливчиков. От нее ждали согласия. И она сказала «да», но с условием. Где-то в доме для малышей-сирот жила их маленькая сестренка, которую они с братом никогда не видели. Мать наградила их сестрой тогда, когда они уже стали воспитанниками детского дома. Американцы даже немного удивились, но просьбу Кати они с уважением согласились выполнить. Видимо, действительно у них там ценят семейные узы. Сестренку нашли. Все трое уле-

тели в Штаты. Но еще больше удивились заграничные опекуны, когда Катька прошла тестирование в тамошней школе. Она перепрыгнула два класса и оказалась самой младшей в своем новом школьном окружении. Ее знания были полнее знаний американских ровесников.

Катя Пешкова звонила в детдом регулярно. Заранее договаривалась с директрисой, и в установленное время кто-то из ее старых подруг уже дежурил у директорского телефона, дожидаясь звонка. Катя рассказывала о себе, о тамошней жизни. С жадностью слушала новости когда-то почти родного детского дома. Пару раз она присылала фотографии своей новой семьи. От той семьи силами американских гостей на память детдому был куплен мягкий уголок, да и то, не спроси они у воспитателей: «Что подарить?» – ничего бы и не появилось. В тот год в чужие дали уехало человек десять детей. Как им там живется?

Приехали...

Приехали из Америки наши «американцы», летавшие знакомиться со своими будущими семьями. Гостили две недели на берегу океана. Нам океан казался чем-то нереальными, как сама Америка, и таким же далеким, как Луна. Вернулись они ночью. Детдом тут же проснулся. Зашумел, как растревоженный (медведем, не меньше!) улей. Не терпелось услышать, что видели, посмотреть, что привезли. Это был первый выезд наших за бугор. Ночной воспитатель разгонял любопытных, призывал пойти выпататься и приходиться с визитами утром. Не обошлось без сбора дани. Старшеклассники жевали американские гамбургеры.

– На кой ляд вы моих девок ограбили?

В дверях стоял ночной воспитатель. Ирина Витальевна отличалась прямоотой во всем. А если и начнет песочить, то на

слова не поспекупится – отбреет быстро, не дав и шанса сказать хоть что-то в свою защиту. Ребята прозвали ее Головой. Высокая ростом, с фигурой, про которую говорят – «косая сажень в плечах». Голова ее и впрямь смотрелась не очень пропорционально. Плотная шапка кудряшек придавала ей сходство с шаром или, скорее, даже с гигантским темным одуванчиком. Вдобавок ко всему этому Ирина Витальевна отличалась весьма своеобразным чувством юмора. Шутить над собой она не стеснялась. Часто шутки ее были нам не совсем понятны, и ей приходилось разъяснять незнакомые выражения.

– Ладно, потом разберусь с вашими забубёнными головешками.

– Почему «забубёнными»? – Колька Котов интересуется всегда и всем.

– Потому что нормальные головы спят ночами, а не рыщут, аки звери, по чужим светлицам!

Была у этой воспитательницы какая-то неясная нам манера изъясняться крылатыми фразами. Звучали они в наших стенах непривычно. Много позже, в лагере, она рассказала, что росла у бабки с дедом в деревне. Дворов-то – раз-два и обчелся. Общаться не с кем. От скуки маленькая Ирина Витальевна (ее как-то сложно было представить девочкой с косичками) читала немногочисленные книги. Среди прочих стоял на этажерке и один из четырех томов словаря Даля. По ее словам, она перечитывала его так часто, что многие выра-

жения вошли в ее голову и до сих пор там обитают. После этого признания Ирина Витальевна постучала пальцами по голове и сказала: «Не зря же вы меня Головой прозвали».

На вопрос о грабеже тоже ответил Колька:

– Мы не грабили. Они сами по-братски, то есть по-сестрински, поделились пищей со страждущими. Должны же мы знать, чем их там потчевали, на чужой стороншке. – Котя, прозванный так за свои джентльменские манеры, явно был в ударе – хотел блеснуть красноречием, а заодно и увести разговор в другое русло.

– А ничего, что эти гамбургеры ехали больше суток?

– Ирина Витальевна, ну вы же знаете: наши желудки и гвозди переварят.

– Только это и успокаивает. Девки ревут. Ворвались, как грабители, посреди ночи, разве что не связали!..

– Ну им что... Уедут и каждый день будут трескать эту гадость.

– А зачем брали, раз гадость?

– Так мы девок спасали! От возможного отравления. Девчачьи желудки послабее наших.

Утром обсуждали поездку в Америку. Не успели вернуться, а уже хотят обратно. Те, кому не светило заграничное усыновление, слушают молча, без чувства радости за ближнего. Оно и понятно: одни уезжают в семью, к лучшей жизни, а остальные по-прежнему будут пребывать в этой, с одинаковыми буднями и неясным будущим. На берегу океана,

где много больших магазинов, наверное, хорошо. И нет там ничего инкубаторского, нет меню, где тушеная капуста – поварской фаворит.

Радостные голоса уезжающих звенят колокольчиками среди молчания остающихся здесь.

– Там так классно! Нас брали в магазин.

– Мы ходили на американский футбол.

– А это мои новые мама и папа. Это Джон, Сесиль, Кэт.

В потоке радостных рассказов делает паузу Ирина Витальевна:

– Так, девицы, вещи новые сюда, пока им ноги не приделали!

Воспитатели рассматривали фотографии, слушали рассказы, попутно срезая бирки с подаренных детям вещей.

– Елена Геннадьевна! У меня кофта пропала. Новая. С этикеткой.

– Не рыдай. Что за кофта?

– Сиреневая, с пайетками. Я ее ни разу не надевала. К нам ночью ребята прибежали из старшей. Все вещи перетрясли.

– Что взяли?

– Только хавчик заграничный. Вы только не говорите им, что мы жаловались, нам и не жалко этих гамбургеров. Они все равно невкусные.

– Я бы вам их есть не разрешила. Больше суток в пути – ими же отравиться можно! – Елена Геннадьевна немного возмущенно попыхла. – Ладно, разберемся. Кофты ваши

мальчишкам точно не нужны.

Пропало еще кое-что из подаренных обновок. Но у девчонок вещей не оказалось. Возмущенные старшеклассницы предложили воспитателям искать лично. Воспитатели посоветовались и решили, что девочки говорят правду: все вещи здесь знакомы, новинки наперечет. А уж настоящее импортное заметят сразу.

Кофточка всплыла случайно. Глазастые девчонки узрели свою собственность на одной из дочек нашего сторожа. Нехорошо вышло.

За углом детдома, там, где в зарослях нестриженных кустов, около городка с гаражными ракушками, собирались курильщики, плакала женщина. Большая слабая женщина с крашенными в тускло-желтый цвет волосами. Ее обнимала маленькая девочка в модном американском платье. Они были очень похожи: большая и маленькая фигурки. Словно вырезанные из хорошего дерева. Обе крепкие, светлые, приземистые. Девочка откидывала рукой волосы, такие же густые, как у мамы, только живого пшеничного цвета. Ей не хотелось уезжать и в то же время хотелось. У нее теперь было две мамы. И обе внешне похожи. Родная мама хорошая, только она не может остановиться и бросить пить. Другая мама похожа на родную, ту, из далекой трезвой жизни.

Русская мама только что вышла от директрисы.

– Если вы сейчас подпишете отказ от ребенка, ее удочерит

семья американцев. Вот, выпейте воды. – Директор смотрит на плачущую женщину, выпивающую воду залпом. Про себя отмечает: «Привычка. Алкогольная зависимость. Уже не исправить ничего».

– Я против усыновления детей иностранными гражданами. Но есть распоряжение свыше. Родители вашей девочки производят хорошее впечатление. Я бы сказала – лучшее. Это простые люди, добродушные. У них двое родных детей. Решать вам. Но могут обойтись и без вашего согласия. Вы ведь в общежитии живете?

– Да. – Это единственный расслышанный ответ на все вопросы.

Оля плачет в воспитательской. Она не может сделать выбор. Ей никто ничего не советует. Через два месяца она будет смотреть на океан.

Лешка Барин

Поющие, рисующие, танцующие – их было немало. Встречались и необычные таланты. Лешка Барин (прозвище дано было за прежнюю вольную жизнь, от которой у него остались какие-то действительно барские замашки) умел открывать любые замки. Когда воспитатели, забыв ключ, захлопывали дверь в воспитательскую, то шли они напрямик к Леше: «Выручай!» Вскрыл как-то Лешка сейф в кабинете Матрешки. На следующий день Галина Алексеевна звучно протрубила тревогу: «Сейф вскрыли!» В сейфе хранились какие-то документы. По счастливой для Барина случайности две неполученные зарплаты воспитателей лежали не там, а на столе, прикрытые газетой. Листочки, украшенные буквами, оказались надежнее серого металлического шкафа. Га-

лина Алексеевна по какой-то причине забыла убрать деньги в сейф, что спасло Барина от серьезных неприятностей (и от путешествия в Самарканд, куда он зачем-то собирался). Так появилось в детском доме еще одно зарешеченное окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.